Сергей Максимович Ермаков

Комната исполнения желаний

Часть 1

Сергей Максимович Ермаков

Комната исполнения желаний. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35482009
ISBN 9785449311771

Аннотация

Эта история произошла в одном небольшом городе областного подчинения. И хотя она оказала существенное влияние на судьбы большинства жителей этого города, о ней вскоре забыли. Слишком трудно было найти логическое объяснение событиям, которым люди оказались свидетелями и участниками. А уж тем более поверить в реальность тех событий. Сработал защитный механизм сознания, заставивший их эти события просто забыть. Вероятно, читателей постигнут смутные воспоминания, что это происходило именно с ними. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Благодарности 6
Комната исполнения желаний 7
1__x_ 19 июня 2001 год. Производственное объединение «Global Instrument of Russia» 8
2__x_ 16 апреля 1996 года. Лестничная площадка на третьем этаже в пятиэтажке 23
3__x_ 16 апреля 1996 года. Квартира на третьем этаже в пятиэтажке 26
4__x_ 16 апреля 1996 года. Квартира на третьем этаже в пятиэтажке 30
5__x_ 19 Июнь 2001 год. Технологический отдел «Global Instrument of Russia» 38
6__x_ 16 апреля 1996 год. Квартира на третьем этаже в пятиэтажке 39
7__x_ 16 апреля 1996 год. Квартира на третьем этаже в пятиэтажке 42
8__x_ 16 апреля 1996 год. Кухня в квартире на третьем этаже в пятиэтажке 46
9__x_ 16 апреля 1996 год. Фургончик для аттракционов рядом с торговым центром 50
10__x_ 19 июня 2001 год. Технологический отдел «Global Instrument of Russia» 57
11__x_ 16 апреля 1996 год. Квартира Татьяны 59

на третьем этаже в пятиэтажке

Конец ознакомительного фрагмента.

Комната исполнения желаний
Часть 1

Сергей Максимович Ермаков

© Сергей Максимович Ермаков, 2024

ISBN 978-5-4493-1177-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Хочу принести благодарности Ольге Федоровне Потемкиной и Елене Павловне Ланецкой. При написании этой книги я оказался в творческом тупике. Ольга и Елена поддержали меня морально, дали ценные советы, которые и сдвинули дело с мертвой точки. Благодаря этому, я смог завершить книгу. Большое Вам спасибо, мои друзья.

Комната исполнения желаний

От жажды умираю над ручьём.
Смеюсь сквозь слёзы и тружусь, играя.
Куда бы ни пошёл, везде мой дом,
Чужбина мне – страна моя родная.
Я знаю всё, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовёт.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышней я Всех господ.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.
Я скуп и расточителен во всём.

Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз – я вижу розы мая.
Долина слёз мне радостнее рая.
Зажгут костёр – и дрожь меня берёт,
Мне сердце отогреет только лёд.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
Кому презренье, а кому почёт.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Франсуа Вийон

1__x_ 19 июня 2001 год. Производственное объединение «Global Instrument of Russia»

Валентина расслаблено опустилась в потертое кресло, стоящее рядом с рабочим столом своей подруги в технологическом отделе:

– Привет Надежда.

Ее подруга подняла голову от бумаг и улыбнулась:

– А, здравствуй Крылова. Каким ветром?

Валентина умиротворенно смотрела на плавный танец пылинок в солнечном потоке, струящемся из окна на пол. Она поправила на плече бретельку летнего платья:

– Да вот, шла мимо, решила зайти. Ты что не рада?

– Брось ты, Валь. Конечно, рада. Просто интересуюсь. По делам у нас?

– А, куда мы без них? Не потопаешь – не полопаешь.

Технологический отдел размещался в той же самой комнате, в которой он располагался до того, как предприятие постигла приватизация. Ремонт в комнате новое руководство не сочло нужным делать, как, впрочем, не посчитало нужным обновить и мебель для сотрудников. Правда, сотрудников это не очень расстроило. К старой мебели они привыкли, как привыкают к старым, проношенным до дыр до-

машним тапочкам. Обстановка в комнате состояла из столов и стульев застойного времени, книжного шкафа, с противно скрипящими дверцами и продавленного кресла, в которое сейчас пристроилась Валентина. Перемены в основном отразились на персонале отдела, вернее, на его численности. Несколько столов явно не имели хозяев. Не было на них предметов выдававших присутствие людей. Стол Надежды был ближайшим к двери. Этот стол Надежда заняла, когда ей неожиданно предложили место на этом предприятии. Ее квалификация и опыт позволила Надежде быстро достичь места начальника технологического отдела. От двери стол отделяло только кресло. От самого кресла до двери было пять-шесть шагов. Валентина рассеянно осматривалась, пытаясь понять причину своего хорошего настроения, которое ее каждый раз охватывало в этой комнате. Первое, что привычно пришло на ум, была незатейливая, но все просто объясняющая мысль:

– Наверное, просто ностальгия. Молодость. Романтика. Розовые очки прошлого.

В ее памяти всплыли фотографии из домашнего альбома, где они молодые, задорные, улыбающиеся снялись на майском субботнике.

Валентина печально посмотрела на подругу:

– Неужели и я, как Надька постарела, и подурнела? Боже мой. А нам ведь еще и сорока лет нету.

Она мысленно с печалью усмехнулась:

– Господи, какими же старыми нам казались тогда сорокалетние. Ужас!

Валентина отогнала от себя наваждение невеселых мыслей о возрасте, и отдалась атмосфере спасительной безмятежности:

– Слушай Надь, как же у вас хорошо. Каждый раз, когда я к тебе на работу прихожу, я здесь отдыхаю.

Надежда усмехнулась, как добрая хозяйка:

– Приходи, и отдыхай на здоровье. Я от тебя хоть новости узнаю про наших. Кстати, как там Татьяна поживает?

– Хорошо поживает. Она сейчас в командировке в Шанхае. Китайцев учит как пресс формы проектировать.

Надежда, делая пометки карандашом в своих бумагах, вздохнула:

– Везет же людям. В загранкомандировки ездят.

Она посмотрела на свою гостью:

– Неплохо вы с ней устроились.

Валентина жеманно повела плечами:

– В чем проблема? Давай к нам. Мы тебя разрекламировали что надо. Айварс меня уже в который раз спрашивает, о тебе.

Надежда рассеянно поинтересовалась:

– Чего спрашивает?

Валентина насмешливо хмыкнула:

– Спрашивает, когда ты к нам перейдешь? У нас ни одного толкового технолога нет. Чуть что, к вам на поклон идем.

А ваш Бульдозер с нас три шкуры дерет за ваши услуги. Мы же с тобой уже выясняли, что наши зарплаты в два раза выше ваших. Чего ты ждешь?

Надежда недовольно поморщилась:

– Нет. Не могу я, пойми. Бульдозер меня к себе взял, когда я вообще на мели была, без копейки сидела.

Валентина с легким раздражением ответила:

– Да помню я. Все, до сих пор, обижаешься, что мы тогда про тебя забыли. Но ты пойми, ты тогда на больничном была, когда мы свое предприятие создавали, потому тебя тогда и не нашли.

Надежна поспешно отмахнулась:

– Да не обижаюсь я. Ладно тебе. Хватит передо мной виниться. Проехали, все быльем поросло. Все нормально

На ее лице проползла скептическая улыбка:

– Хотя… может это к лучшему.

Улыбка Надежды стала романтической:

– Вы меня не нашли они меня. А, он нашел. И вылечиться помог и с зарплатой не обидел. Да не казнитесь вы, я же все понимаю, не школьница. Замяли. Не уйду я от него. И не зовите. От добра, как говориться, добра не ищут. Да и технологов свободных хоть пруд пруди. Что на мне свет клином сошелся? Спасибо конечно, что не забываете.

Валентина недовольно поморщилась:

– Да ладно тебе. Технологов, говоришь пруд пруди? Подкатывались мы и Грязнову со Славиным, и к Самолетову.

Стоят они на рынке, ерундой какой-то торгуют. Что ты думаешь? Наотрез оказались идти. Говорят, все, на наш век катаклизмов хватило, больше не надо. Мы, говорят, уж как-нибудь на рынке перекантуемся. А пока мы с Татьяной их обхаживали, Айварс взял Норильмана. Ну, ты понимаешь.

Надежда усмехнулась, и покачала головой:

– Да уж приобретение, не приведи господи.

– То-то и оно. Напел он в уши Айварсу, что все технологические достижения вашего предприятия это – его заслуга. И наше предприятие он тоже поднимет на небывалую высоту. Айварс его и взял. Нам стал хвастаться. Вот, говорит, какого я классного технолога нашел. Я Айварсу говорю, да все перекрестились, когда Норильман ушел. А он мне, дайте другую кандидатуру. А теперь этого Норильмана никакой силой выковыришь. Переложить свою задачу на чужие плечи, это он мастер. Критиканствовать, это его, хлебом не корми, дай кого-нибудь охаять. Он теперь из кабинета Айварса не вылезает, напрашивается на заграничные командировки.

Надежда внимательно посмотрела на Валентину:

– Слушай, я никак в толк не возьму, а с какого бока-припека у вас этот Айварс появился?

Валентина с апломбом пояснила:

– Так мы же СП, он представитель китайской стороны, а заодно генеральный директор. Но в кадровых вопросах он слабак. Не то, что ваш Бульдозер.

Надежда насмешливо усмехнулась:

– Так в чем дело? Давай ты к нам переходи. Коллектив у нас что надо. Чего ты из себя сироту казанскую строишь?

Валентина надменно дернула плечами:

– Я, что головой тронулась? У нас СП, я один из основных учредителей. А у вас так – не предприятие, а недоразумение. И кто я у вас буду? Девочка на побегушках? Нет, спасибо, я этого уже наелась по самое горло. Хватит.

Надежда решила перевести тему разговора на другие рельсы:

– Слушай Валь. Ты мне лучше скажи, чего это ты все Айварс, да Айварс? Он же вроде Танькин мужик. Это ты под него клинья подбиваешь, или он под тебя?

Валентина возмутилась:

– Какие клинья? Ну ты даешь, подруга. Тоже мне придумала. Он в Таньку по уши влюблен. У нас с ним обычные производственные отношения. Он мне что, задания через Таньку должен давать, по-твоему? Я, между прочим, тоже замужем, если ты помнишь? Ты смотри, при Таньке такое не ляпни.

Надежда, примирительно улыбаясь, быстро глянула на подругу:

– Ладно, замяли для ясности. Ты чего пришла-то? Просто поплакаться?

Валентина с напускной обидой, нарочито медленно заговорила:

– Я же тебе говорю. Дело у меня к вам важное.

Надежда с холодком поинтересовалась:

– А чего сидишь, как на именинах. Ждешь что ли кого? Тогда, Валь, давай молча сиди. Поболтать с тобой сейчас не получится, извини, дел много. Лучше после обеда поговорим. Тогда мы с тобой от души потреплемся.

Валентина обиженно промямлила:

– Да, не жду я никого. С чего ты взяла? Я, собственно говоря, к тебе за советом пришла.

– А чего телишься? Выкладывай, не темни, а то у меня сейчас срочная работа горит. До обеда должна успеть.

Валентина перешла на просительный тон:

– Ой, Надь, да тут такое дело, я даже и не знаю к кому обратиться. Решила с тобой посоветоваться.

Надежда нетерпеливо поторопила подругу:

– Кончай телиться, что еще у тебя? Давай рассказывай, только в темпе. Времени совсем нет.

У Валентины забегали глаза:

– Как тебе сказать? Понимаешь, китайцы заинтересовались тут вашей продукцией.

Надежда снова опустила глаза на бумаги на своем столе, и безразличным голосом поинтересовалась:

– Это какой же?

Валентина сделала загадочное лицо:

– Понимаешь. Они все там на фэн-шуе повернуты и зациклены. А тут им в руки попалась какая-то бутылка с вашим клеймом. Они говорят, эта ваша бутылка ихний фэн-

шуй несказанно улучшает.

Валентина сделала замысловатый жест рукой, иллюстрирующий ее слова, и посмотрела в лицо подруги. Надежда, не отрываясь от бумаг на своем столе, показала пальцем на старый книжный шкаф со справочниками:

– Такая что-ль бутылка?

Валентина посмотрела туда, куда указывала подруга и увидела на шкафу графин. Графин был ничем непримечателен, выполнен в стиле советских застойных времен. Раньше Валентина, когда бывала здесь, не обращала на него никакого внимания, просто не замечала. Бегло взглянув на графин, она скрестила руки на груди:

– Разыгрываешь? Смешно тебе? Ну, ну.

Надежда с сомнением посмотрела на Валентину:

– Почему разыгрываю?

– Да, потому! Где ихний фэн-шуй, и где этот графин? Это же сельпо.

– Ну, тебе видней. Извини другого нет, не держим. Тато, китайская бутылка, наверное, значительно красивей этого графина?

Надежда подвинула к себе бумаги на столе и уперлась в них взглядом.

Валентина обижено поджала губы:

– Кончай Надь. Я же серьезно. Китайцы совместный проект предлагают. Серьезный проект. А ты выпендриваешься. Не убежит никуда твоя работа. Помоги, будь другом.

– С чего ты взяла, что я выпендриваюсь? Ничего я не выпендриваюсь. Ладно, рассказывай толком. Чего они хотят? Помогу по старой дружбе.

– Они хотят наладить производство этих фэн-шуйных бутылок. И наладить хотят именно совместно с вами. Ели дело выгорит, обещаю тебе хорошие комиссионные.

Надежда с задумчивостью проговорила:

– Комиссионные, говоришь? Не кинешь?

Валентина не задумываясь заверила:

– Не беспокойся. Железно. Я тебя когда-нибудь кидала?

– Хорошо. Рассказывай, как эта бутылка выглядит? Может чего и придумаем.

– Да я откуда знаю? Я ее в глаза не видела. Мне только сказали, что она этот ихний фэн-шуй улучшает в разы.

Надежда деловито поинтересовалась:

– Фэн-шуй – это, конкретно, что? Ну, чтобы понимать, от куда ноги растут.

Валентина с видом эксперта начала:

– Ну это…

Лицо ее стало задумчивым:

– …Да черт его знает, что это такое? Наверное, чтобы все вокруг было здорово. Чтобы хорошо все было.

Надежда обреченно выдохнула:

– Понятно…

Она наморщила лоб, и задумчиво продолжила:

– А бутылки здесь причем? Китайцы, на сколько я помню,

всегда по вазам, по фарфору были спецы. Вазы у них, действительно, что надо, красивые. Я у кого-то в гостях видела. У кого, извини, не помню.

Валентина с апломбом стала наседать:

– Значит должна понимать, что бутылки эти должны быть красивые,

Она с презрением посмотрела на графин, стоящий на шкафу:

– Не этой чета.

Надежда обиженно сузила глаза, и отрезала:

– Извини, никаких других бутылок мы здесь не держим.

Валентина с готовностью подхватила:

– Вот и я удивилась. Вроде это не ваша продукция. Думала ошиблись они. Вы, и какие там бутылки. Что-то не так. Чушь какая-то.

Надежда с усталостью продолжила:

– Да, как тебе сказать, чтобы тебя не обидеть. Не ошиблись они. Графины эти точно у нас сделаны. Но, это так. Короче, в ассортимент производства они не входит. Штучные изделия, не для продажи. Интересно, как твои китайцы эти графины вообще достали? Их всего двенадцать штук сделали. Всех хозяев этих графинов я знаю, они не должны были их отдать.

Валентина растерянно пожала плечами:

– Не знаю. Я же говорю, что не в курсе я. Потому к тебе и обратилась.

Надежда положила локти на стол и ехидно спросила:

– Ладно, черт с ними, с бутылками. Оставим их в покое. А чего это китайцы такого конкретно хотят, что ты так соловьем разливаешься?

Валентина напористо, но с сомнением выложила:

– Хотят наладить совместное производство таких бутылок или графинов. Или купить у вас технологию их производства.

Хитрая улыбка не сходила с лица Надежды:

– Технологию, говоришь, купить? А-а-а, теперь понятно, почему ты ко мне пришла?

– А, к кому я, по-твоему, должна была пойти?

– Да откуда я знаю? А, чего твои китайцы сами-то без нас это производство не запустят? Чего тут сложного? Тоже мне военная тайна – стеклянные бутылки. Сама говоришь ширпотреб.

– А, черт его знает? Не получается у них что-то, не выходит. Айварс говорит, они все повторили, все скопировали, а фэн-шуя нет, хоть ты тресни. Он говорит, они думают, что дело в клейме. От клейма там свет как-то хитро отражается. Но подделывать чужое клеймо – это международное преступление, поэтому и хотят вас взять в долю.

Надежда насмешливо ухмыльнулась:

– Да ладно. Кончай заливать. Китайцы клеймо боятся подделывать? Наше? Отпад! Подделывали, подделывали, а тут испугались? Они чего только не подделывали. Они фирмен-

ные знаки всей Европы на свои изделия ставили, и ничего. А, тут у них совесть взыграла? Не поверю. Мы на их подделках уже сколько раз накалывались.

– В смысле?

Надежда с сарказмом продолжила свои рассуждения:

– Сталь у них – дерьмо. Хватает этой стали ровно на гарантийный срок, и не больше. Может они специально такую сталь в изделиях ставят, чтобы спрос на изделия повысить? Не знаю. Типа сломался у тебя инструмент – не жадись, купи новый. А, теперь видать они решили на стекле халяву сделать? Не выйдет. Не получится.

Валентина удивленно посмотрела на подругу:

– Почему?

Надежда с досадой повысила голос:

– Да, елки-палки, Крылова, ты стул возьми, и достань этот графин, сама посмотри. Может прочухаешь, что к чему.

Валентина с сомнением и подозрением посмотрела на подругу, пытаясь понять разыгрывает та ее или нет. Лицо у Надежды было насмешливым, но в этой насмешливости сквозила уверенность в знании чего-то необычного. И Валентина последовала совету. Она встала, и поволокла стул к шкафу. Ножки стула противно скребли по полу. Вставая на стул, она еще раз оглянулась, и с подозрением посмотрела на Надежду, не разыгрывает ли та ее. Изумление постигло Валентину, когда она взяла графин в руки. Никакого розыгрыша не было. По горлышку графина пробегали вверх-вниз чуть

заметные радужные полоски света, совершенно незаметные из кресла, в котором она сидела. Валентина, осторожно ступая, поставила одну ногу со стула на пол и удивленно проронила:

– Ничего себе. Это как вы такое делаете?

Она окончательно слезла со стула, и стала крутить графин в руках, пытаясь выяснить откуда на горлышко графина падает свет, создается столь замысловатый эффект. Но, радужные кольца ползали по горлышку независимо от того, как графин располагался относительно окон и светильников. Она попыталась обнаружить источник света внутри графина, разглядывая дно и стеклянную пробку в горлышке графина. Тщетно, даже намеков на что-то похожее на лампочку или светодиод не было. Валентина чуть не вздрогнула, услышав голос подруги:

– Ну что? Доперла?

Она повернула голову к Надежде. Та сидела, подперев щеку рукой и с любопытством смотрела на нее. Валентина изумленно выдохнула:

– Нет. А, что это такое? Это как получается? Почему она светится?

Вопрос Надежду похоже нисколько не удивил, и насмешливо поинтересовалась:

– Увидела? Вот то-то же. Фэн-шуй говоришь?

Надежда безмятежно смотрела на Валентину:

– Я тоже не пойму, как такое получается. Но оно, как ви-

дишь, есть. Одно тебе скажу, совершенно определенно, что народ сюда тянется. И тянется именно из-за этого графина, это я точно знаю. Потому что хорошо здесь людям. Тебе вот хорошо?

Валентина эхом отозвалась:

– Хорошо.

– Это все из-за него, из-за этого графина. Вот так-то.

Надежда легонько покачала головой и насмешливо пробурчала:

– Скопировать они хотят. Пусть попробуют. Посмотрим, что у них получится.

Валентина удивленно расширила глаза:

– Но вы-то ведь их делаете.

Она перевернула графин, и ткнула пальцем в дно графина:

– Вот и клеймо ваше стоит на донышке. Почему у китайцев не получится?

Ее подруга печально усмехнулась и стала перелистывать у себя на столе бумаги:

– Да не в клейме этом дело. Тоже мне, нашли причину.

– А в чем?

Надежда бросила карандаш на стол и откинулась на спинку стула:

– Ты помнишь, года четыре назад, у торгового центра стоял фургончик с надписью «Комната исполнения желаний»?

Валентина оперлась рукой о спину стула и весело фырк-

нула:

– Еще бы. С нее-то у нас все тогда и закрутилось. Мы после ее посещения и решили отделится от нашего родного комбината и создать собственное предприятие.

На лице Валентины появилась грустная улыбка:

– Интересное было время.

Надежда удовлетворенно хмыкнула, и с энтузиазмом продолжила:

– Ага, значит разжевывать, как другим неверующим, тебе не надо. Хорошо…

Воспоминания, как мягкое теплое крыло накрыли, Валентину. Где-то на грани ее сознания тихим ручейком журчал голос Надежды:

– …Значит помнишь ….

Смысл слов подруги лишь частично доходил до Валентины, погрузившейся в себя, под влиянием нахлынувших воспоминаний.

2__х_ 16 апреля 1996 года. Лестничная площадка на третьем этаже в пятиэтажке

Валентина позвонила в дверь второй раз, раздраженно перебирая причины, по которым почему ей не открывает дверь подруга:

– Заснула она что ли? Или в туалете засела? Может еще с работы не пришла?

Валентина досадливо посмотрела на часы на руке. В это время дверной замок начал издавать характерные звуки, и дверь отворилась. Подруга Валентины Татьяна приоткрыла дверь и выглянула в открывшуюся щель:

– Привет, пропащая душа. Заходи.

Татьяна сделала шаг назад, пропуская подругу в прихожую:

– А я думаю, кто это ко мне названивает. Вроде, не жду никого. И, на тебе. Явление Христа народу.

Валентина протиснулась в дверь и вытянула губы для приветственного поцелуя:

– Здравствуй. Вот решила зайти.

Татьяна снисходительно порадовалась:

– Ну, заходи. Чайку попьем.

Она двинулась на кухню, шаркая домашними шлепанца-

ми, и на ходу сообщила:

– Правда у меня к чаю ничего нет. Не ждала никого, все сладенькое сама слопала.

Валентина стянула с себя сапоги на высоком каблуке, и повесила свое демисезонное пальто на вешалку. Нашарила ногами гостевые тапочки. Посмотрела на себя в зеркало на стене, поворачивая голову влево-вправо. Поправила рукой прическу, слегка выпятила губы, проверяя как на них лежит помада. Подхватила сумку, которую принесла с собой, и двинулась за подругой.

Татьяна хозяйничала на кухне, привычными движениями, доведенными до автоматизма, выставляя чашки и сахарницу. Чайник уже грелся на плите. Валентина неспеша выставила на кухонный стол из сумки бутылку Каберне, кулек с яблоками и шоколадку. Татьяна через плечо скосила глаза на подношения подруги:

– По какому поводу праздник?

– Да так, не по какому. Просто решила зайти.

– Да, ладно. Колись подруга. Я чего-то пропустила? Дату какую-то юбилейную?

Валентина пристраивала пустую сумку на полу:

– Ничего ты не пропустила. Но, повод имеется.

Татьяна выжидающе уставилась на подругу. Валентина устроилась на табуретке, мимоходом окинув взглядом кухонную обстановку. Обстановка была знакома ей до мельчайших подробностей. Тюль занавесок на окне. Плетенный

абажур над столом, стол с протертой по углам клеенкой. На клеенке незатейливый орнамент из корзинок с фруктами. Газовая двухкомфорочная плита с полустертыми надписями у ручек. Белый фанерный буфет с круглыми пластмассовыми ручками. По краям буфета из-под новых обоев проглядывали блеклые старые обои. Холодильник «Юрюзань» со скругленными углами. Табуретки модные в 60-х годах.

Валентина положила локти на стол:

– Бокалы доставай.

Татьяна потянулась к дверцам буфета:

– Так что за повод?

– Садись, давай сначала выпьем, потом расскажу.

3__х_ 16 апреля 1996 года. Квартира на третьем этаже в пятиэтажке

Татьяна, медленно опускаясь на табуретку с фужерами в руках, недоуменно поинтересовалась:

– Так за что, пить будем?

Валентина вместо ответа приказала:

– Штопор давай.

Татьяна встала, не отрывая заинтересованного взгляда от подруги, на ощупь достала штопор из верхнего ящика кухонного буфета, и протянула Валентине:

– Не томи, рассказывай. У кого-то день рождения? Вроде, ни у тебя, и ни у Коли. Или ты с Колькой поругалась?

Валентина недовольно поморщилась:

– Да, ни с кем я не поругалась.

Пробка в бутылке крошилась и не подавалась. Валентина выругалась:

– Елки-палки, да что ты будешь делать?

Татьяна испуганно смотрела на подругу:

– Так чего случилось-то?

Та упорно боролась с пробкой в бутылке:

– Да, подожди ты. Под руку не говори.

Наконец пробка с чмоканьем покинула бутылку. Валентина отложила штопор в сторону, налила вино по бокалам, и решительно скомандовала:

– Ну давай.

Татьяна обескураженно уставилась на подругу:

– И за что пьем-то?

Валентина опрокинула бокал в рот:

– А, не за что. Так. Сейчас духом соберусь, расскажу.

Татьяна чуть отпила вина и поставила бокал на стол:

– Валька, ты меня пугаешь! Говори, что происходит?

Валентина снова наполнила свой бокал и выпила его залпом. Поморщилась, поставила бокал на стол, взяла яблоко и с хрустом надкусила его:

– Сейчас, погоди, дай закусить.

Татьяна с тревогой и волнением наблюдала за подругой. Валентина некоторое время сосредоточенно жевала яблоко, потом положила его на стол:

– Ну все, вроде, отпустило.

Она покачала опущенной головой из стороны в сторону и проговорила:

– Значит, так. Пошла я сегодня по точкам наш бартер пристраивать. Нигде ничего не хотят брать. По всему торговому центру пробежалась.

Татьяна облегченно выдохнула:

– Фу ты. Елки-палки. Напугала. Так ты из-за этого так расстроилась? Ну, ты даешь.

Валентина уставилась на Татьяну:

– Я что, дура по-твоему? Плевать я на этот бартер хотела. Погоди, дай сказать.

Валентина подняла вверх указательный палец:

– Так вот, вышла значит я из торгового центра, присела на лавочку покурить. Кстати, дай пепельницу.

Валентина достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку. Татьяна поставила на стол пепельницу. Валентина затянулась сигаретой, выдохнула дым, и стряхнула в пепельницу пепел:

– Так вот, сижу курю. Никому не мешаю. А рядом мужик крутится, орет чего-то, народ зазывает в какую-то комнату исполнения желаний. Народ на него смотрит как на ненормального, и дальше идет своей дорогой. Он ко мне подкатывает.

Валентина кокетливо скосила глаза и скривила рот, пародируя того, кто к ней подкатил:

– Не желаете, говорит, чтобы ваши желания исполнились?

Валентины стряхнула с себя лицедейство, и посерьезнела:

– А, я злая, сижу молчу. Он не отстает. Мы, говорит, все ваши желания мигом исполним. Ну, я ему и ляпнула. У меня, говорю, одно желание – бартер в магазин пристроить. Поможете? Этот дураком прикидывается. А где говорит ваш бартер, я его не вижу? Я говорю, я что дура с тяжестями по городу носится. Договорюсь, тогда и принесу. Что, говорю, поможешь толкнуть?

А он юлит, так хитро мне бормочет, что там какой-то бартер, мы исполним ваше самое заветное желание. Попробуйте, не пожалеете, всего тысяча триста рублей. Я ему, ну ни

фига себе, ценушки. А, он мне, бодренько так, если у вас только пустяковые желания, тогда да, тогда извиняйте. А, я уже завелась от его настырности. Говорю, да знаю я вас, наобещаете, а потом, извините не получилось. А денежки уже тю-тю? Ищите других дураков.

4__х_ 16 апреля 1996 года. Квартира на третьем этаже в пятиэтажке

Валентина замяла окурок в пепельнице и по инерции поправила прядь волос:

– А он мне, нет проблем, деньги, если захотите, заплатите после сеанса. Если не понравится, можете не платить. Ну я тут уже конкретно завелась, сигарету бросила. А пошли, говорю, посмотрим, что вы можете. А самой страшно, сумочку к себе прижимаю. Ведет он меня, а у них там фургончик такой небольшой стоит рядом с торговым центром. Я на этот фургончик сначала и внимания не обратила. Иду, а самой не по себе, вся на взводе, слегка трясет. Ну думаю, разведут меня сейчас как последнюю дуру. Заведут в фургончик, по башке шарахнут, и деньги отнимут. Думаю, если что, орать буду. Зашла в фургончик, а там другой мужик, в белом халате, такой весь интеллигентный. В фургончике полумрак, несколько кресел стоит, ну таких как в самолете.

Татьяна залпом выпила свой бокал вина:

– Ну ты, Валька, даешь. Бежать надо сразу было.

Валентина ее одернула:

– Да, погоди ты, дай рассказать. Я сначала, тоже хотела рвануть. Смотрю дверь в фургончик приоткрыта, думаю, рвануть я всегда успею, посмотрю, что дальше будет. Этот интеллигент отошел от меня к столику с какой-то аппарату-

рой, и оттуда говорит, выбирайте кресло и устраивайтесь поудобней. Ну я села, сижу.

Татьяна покачала головой:

– Ну, ты, Валька, отчаянная. Я бы точно сделала ноги.

Валентина досадливо поморщилась:

– Погоди ты, не сбивай.

Валентина мотнула головой и налила себе в бокал вина. Татьяна перехватила у нее бутылку и тоже налила себе вина. Валентина сделала глоток и продолжила:

– Так вот. На чем я остановилась? А, вспомнила. Сижу я значит, а этот интеллигентик, таким спокойным голоском мне втирает. Там, говорит, рядом с вами в подлокотнике перчатка лежит, наденьте ее на левую руку.

Татьяна истерично пискнула:

– Ой, Валька.

Валентина резко осадила ее:

– Да помолчи ты, ради бога. Я и так волнуюсь. Надела я эту перчатку. А от нее проводок в кресло идет.

Татьяна глотнула вина, поставила бокал на стол, и сцепила между собой пальцы рук так, что кожа на костяшках пальцев побелела. Валентина сосредоточенно продолжила:

– Этот мне говорит, поправьте перчатку на руке, чтобы она удобно села. Ну я поправила, сижу. А он говорит, а теперь наденьте очки, они в кармашке другого подлокотника. Я надеваю. Темные очки. И тут началось.

Татьяна взвизгнула:

– Что? Что? Они тебя изнасиловали?

Валентина рассержено махнула на нее рукой:

– Да уймись ты, никто меня не насиловал. Успокойся. Все хуже.

– Да что может быть еще хуже-то?

– Жалостливо всхлипнула Татьяна, и прижала руки к груди.

Валентина поморщилась:

– Погоди ты, помолчи.

Валентина уставилась на стену за спиной подруги и как сомнамбула продолжила рассказ:

– Сначала была темнота. Потом в очках что-то засветилось, замелькали какие-то огоньки, замелькали какие-то цветные квадратики. Потом все быстрей и быстрей. А потом раз, и чистое такое розовое глубокое свечение осталось. И как будто это свечение у меня прямо в голове. Сижу смотрю. И вроде вижу себя. Но как будто со стороны себя вижу. Еду я будто в автобусе, рядом парень сидит. И, я этого парня знаю. И точно знаю, что это со мною, вроде как, уже было. Ехали мы с ним в автобусе как-то вместе, когда с работы возвращалась. Точно он, и точно тот самый автобус. Он тогда на коленях дипломат держал и его пальцы случайно моей коленки коснулись. У меня тогда аж бабочки в животе закружились, и к горлу что-то подступило. Коленка инстинктивно, которой его пальцы коснулись, дернулась, и к его руке прижалась. И просто влипла в его ладонь. Я понимаю, что это

неприлично, а сделать с собой ничего не могу. А он смутился, покраснел и руку отдернул. Посмотрел на меня испуганно, но с интересом. А мне стыдно, я-то вижу, что он значительно меня моложе. Думаю, наверное, решил, во старая дура пытается мальчика растлить. Слава богу, следующая остановка моя была. Ну, я привстала, лицо горит, он меня пропустил к выходу, и я как пробка из бутылки из автобуса вылетела. Только, на этот раз, все не так вышло. Он руку сначала отдернул, а потом снова на мое колено положил. У меня аж дыхание сперло. И знаешь такое ощущение, как будто время щелкнуло. И как будто все происходит не тогда, а на следующий день после того случая, о котором я тебе сейчас рассказала. Как будто он специально ко мне подсел. Руку мне на коленку положил. А я ничего поделать не могу, у меня мурашки по всему телу. Вроде надо ногу убрать, приструнить его, чтобы не думал обо мне, что не попадя. Сказать, вроде, мне ему надо, чтобы вел себя прилично. А, я не могу. Понимаю, что это все неправильно. И стыдно так, просто ужас. А ничего поделать не могу. А его рука уже у меня по ляжке ползет, и юбка у меня на коленке задралась.

Татьяна с широко раскрытыми глазами зажала себе рот ладонью, а Валентина как сомнамбула продолжила:

– Сердце колотится как овечий хвост. Смотрю может кто-то из пассажиров видит, чем мы тут занимаемся. Вроде нет, его дипломат все загораживает. И тут мне так хорошо стало. Думаю, а плевать, даже если кто-то и видит.

Валентина прикрыла глаза и медленно покачала головой:

– И совсем мне не хочется, чтобы он руку убирал. Я свою ладонь на его руку положила осторожно. Чувствую его рука горячая, а моя холодная как лед. Погладила его руку и еще выше ее по своему бедру продвинула. А в башке одна мысль – скоро выходить и все закончится. А думаю, один раз живем, никуда я выходить не буду на своей остановке, плевать на все. Куда он поедет туда и я. Сойдем, если он сделает вид что ничего не произошло, возьму и просто уйду. Да и вообще, что будет то будет. Смотрю, он готовится выходить. Скосил он на меня глаза через плечо, и смотрит, рука его дернулась. Но молчит, и руку не убирает. А остановка уже близко, народ засуетился, спрашивают, кто сходит на следующей. Он свою руку из-под моей вынул. Ну думаю, вот и все, не долго музыка играла, не долго фраер танцевал, отмучилась старушка в высоковольтных проводах, сойду через остановку, чтобы совсем не позориться. А он цоп меня за руку, и тянет за собой. И крепко так держит. А я как телок на поводке за ним иду. Мысль мелькнула, что, если Колька, или кто-то из знакомых, нас увидит, то все кранты. Век потом не отмоюсь. И тут же мысль – а наплевать! Сошли мы с ним на остановке, он меня за собой от остановки куда-то во дворы тянет. А я за ним только поспеваю. Остановился, и говорит, можно я вас поцелую? А, я только головой киваю. Все слова вылетели. Знаю только одно, хочу, чтобы поцеловал. А он мне в губы впился, язык мне в рот просовывает

и мнет меня сзади чуть ниже пояса. А я вся ватная такая, расслабленная, еле сил хватило ему руки на шею положить. Чувствую таю, как мороженое на солнце, и на все то мне наплевать, только бы он меня из объятий не отпускал. Он оторвался, а я дышу тяжело, голову к его груди прижала. Он тихо так спрашивает у меня как меня зовут. А я и сообразить не могу, что он спрашивает, вспомнить не могу, как меня зовут. Наконец слегка очухалась, назвалась. Он тоже назвался. А, меня говорит зовут…

Валентина замолчала и снова закурила. Стряхнула пепел в пепельницу и мотнула головой:

– А, не помню, как его звали. Да и не важно это. Ладно. Тут он меня спрашивает – куда пойдем? В кино там, или еще куда? А я только начинаю в себя приходить. Смотрю, а мы у твоего дома стоим. Тут меня и понесло. Говорю, пойдем в гости, в этом доме у меня подруга живет. Чувствую, что выгляжу как последняя блядь. Чувствую, что точно он меня после всего этого бросит, что эта наша встреча последняя. Чувствую, что завтра же он от меня шарахаться будет, в один автобус со мною ни за что не сядет, а уж тем более на улице не подойдет. А остановится не могу.

Валентина замолчала. Татьяна посмотрела на нее с жалостью:

– Ну а дальше-то что?

Валентина надменно, и одновременно застенчиво фыркнула:

– Что, что? А ничего. Пришли мы к тебе в гости. Я попросила тебя в кино сходить, а мы у тебя остались.

Татьяна ошарашено расширила глаза. Валентина посмотрела на нее и усмехнулась:

– А, ты думаешь, почему я к тебе сейчас приперлась?

Татьяна растерянно эхом отозвалась:

– Почему?

Валентина хмуро посмотрела ей в лицо:

– А, потому, подруга, что я перестала понимать, где сон, а, где явь. Нет, я понимаю, что все это я увидела там, у этих деятелей в кресле – полная туфта. Но, ей богу, это было как наяву. Как будто они сняли обо мне ролик на скрытую камеру, и этот ролик мне показали. И не просто показали, а окунули, так, что я все ощутила кожей, губами и… Не важно чем. Хотя я понимаю, что все это бред. Не могли же они, в самом деле, все это снять, а потом за тыщу триста мне показать. Это же идиотизм. А знаешь, у меня сейчас стойкое ощущение, что, то, что я к тебе с этим парнем приходила в гости – сущая правда. Ну как будто у меня провал в памяти. Как будто я к тебе приходила с этим парнем, а потом сразу все забыла. Вот я и пришла у тебя спросить, приходили мы к тебе с ним, или нет? Наливай.

Татьяна вытаращила глаза:

– У тебя Крылова, что крыша поехала? Не приходила ты ко мне ни с какими мужиками.

Валентина поправила руками прическу на голове, и успо-

коено расширила и сузила глаза:

– Я так и думала, просто хотела убедиться. Наливай.

Татьяна потрясла в руке пустую бутылку:

– Чего наливай? Все кончилось.

Валентина привстала с табурета:

– Ща, я еще сгоняю за бутылкой. Сиди дома, жди, я быстро. С этим делом без бутылки не разберешься. Рассказала, а меня как будто снова в это все окунуло.

Татьяна встревожилась, и быстро возразила:

– Э нет, Валька, я тебя в таком состоянии, в таком раздрае, одну не отпущу. Вместе пойдем. А то ты так еще под машину попадешь. Что я тогда Коле скажу?

Валентина пьяно усмехнулась:

– Коле? А пошел он этот Коля куда подальше. Надоел.

Татьяна пыталась наставительно вразумить подругу:

– Э, Валюха, ты это брось. Муж есть муж.

Та беззаботно хихикнула:

– Муж, объелся груш.

– Валька, ты дурака-то не валяй. Что, из-за какого хама трамвайного, семью порушить хочешь?

Валентина замяла окурок в пепельнице:

– Да кончай ты кудахтать, Тань. Ничего я не хочу порушить. Успокойся. Я разобраться хочу, что это было в этой комнате исполнения желаний.

5__x_ 19 Июнь 2001 год. Технологический отдел «Global Instrument of Russia»

Голос Надежды прорезался откуда-то с периферии сознания Татьяны:

– Я тоже в этой комнате исполнения желаний была. Но это так, к слову. Мой сын Колька в ней одно время дневал и ночевал. А, я уж потом в нее попала, после него. Но это не важно.

Валентина мысленно усмехнулась:

– Да-да, как же не важно. Догадываюсь, что тебе этот деятель там показал. Я тебе тоже не собираюсь рассказывать, что мне он показал. Уж больно в этой комнате желаний все очень странно было.

В сознании Валентины опять замелькала лента воспоминаний. Краски и события встали на свои места.

6__х_ 16 апреля 1996 год. Квартира на третьем этаже в пятиэтажке

Женщины, мешая друг другу, одевались в прихожей. Наконец они двинулись из квартиры. На полутемной лестничной площадке, освещенной тусклыми лампочками в пыльных потолочных плафонах, Валентина досадливо буркнула:

– А, все никак из головы не выходит. Как эти гады все это провернули? Ну не могу я понять.

Татьяна поинтересовалась:

– Кто? Какие гады?

– Ну эти в фургончике. Исполнители желаний, мать их за ногу.

Татьяна с любопытством заглянула подруге в лицо:

– Слушай, Крылова, ты скажи, а ты им все-таки заплатила? Стрясли они с тебя денежку?

Валентина криво усмехнулась:

– Никто с меня ничего не тряс. Я сама заплатила. Потому, что они правильно мое желание угадали. Правильно. Понятно?

Шепотом Валентина добавила:

– Тайное мое желание.

Валентина весело прыснула в ладонь:

– Представляешь, Тань, а я-то дура, думала, вот не смогут они мой бартер пристроить, фиг им, а не тыщу триста руб-

лей. Во дуреха. Дуреха. Да не сдался мне этот бартер триста лет. Плевать я на него хотела. А тут все по-честному. Я там только одно у это интеллигентика спросила. Вы, говорю, это больше никому не покажите? А он дураком прикидывается, лыбится. Вы, о чем, говорит? Про что, про это? А, я ему, ну про это, что мне сейчас показали? А, он мне так убедительно мурлычет, я, говорит, никому ничего не покажу, сударыня, если только вы сами этого не захотите. Я ему, не волнуйтесь, говорю, я точно не захочу. А этот смотрит на меня, и так нагло улыбается. Как знать, говорит, как знать. А потом так хитро меня так спрашивает, вы довольны проведенным сеансом исполнения желаний? Тут-то я и поняла. Этот. Этот не проболтается. Протягиваю ему деньги, довольна, говорю. А он говорит, это не мне, это вы товарищу на выходе отдайте, это он у нас бухгалтерией занимается. А, я ему с дуру взяла и брякнула, а если я ему не отдам? Скажу ему, что мне не понравилось. Думала, он сейчас в мои денежки вцепится, хитрюга.

Валентина загадочно улыбнулась:

– Нет. Не вцепился. Вздохнул так печально, и говорит, в каждом деле бывают издержки. Но мне, говорит, кажется, вам захочется еще раз сюда прийти, как вы тогда будете в глаза моему напарнику смотреть?

Татьяна полюбопытствовала:

– А ты чего?

Валентина шагнула на следующую ступеньку, и беззабот-

но улыбнулась:

– А я что? Да ничего. Спрашиваю его, вы думаете у меня еще остались желания. А, этот усмехается. Я говорит, в этом уверен. Посмотрел на меня исподлобья с улыбочкой, и тихо так говорит, я совершенно уверен, что вы и об этом своем желании не подозревали. А мне и ответить нечего. Вот так-то, Танюха.

7__х_ 16 апреля 1996 год. Квартира на третьем этаже в пятиэтажке

После похода в магазин, подруги вновь сидели за столом, на котором стояла новая бутылка вина. На этот раз говорила в основном Татьяна. Одной рукой она подпирала голову, облокотившись на стол, другой рукой держалась за ножку бокала. У Валентины же запал рассказчицы пропал. Она, похоже, выговорилась перед подругой, нервное напряжение спало, и это принесло ей некоторое успокоение и облегчение. Теперь она пыталась молча осмыслить и переварить произошедшие события. Татьяна грустно причитала:

– Надоело все. Каждый день, один в один, как предыдущий. Это раньше мы конструктора были нужны. Производство работало. Соцсоревнования, премии, и ежемесячные, и квартальные. А по итогам года, вообще песня.

Она ностальгически улыбнулась:

– Какие только нам разные приспособления и изделия не заказывали конструировать. Мы и рацпредложения оформляли. За них тоже копеечки капали. Пусть небольшие, но капали. К нам записывались в очередь, а мы еще кочевряжились.

Татьяна скорчила надменную физиономию, пытаясь продемонстрировать как они кочевряжились:

– В этом месяце не успею, только в следующем, если не бу-

дет срочных работ.

Она печально поморщилась:

– Теперь все. Никому ничего не надо. Производство встало, делают что-то с грехом пополам. О премиях давно забыли. Да и зарплату, так, из милости платят. Хотят задерживают, хотят вообще не платят. А ты им слово не скажи. Не нравится – вали на все четыре стороны, скатертью дорожка, переживать не будем. Хорошо хоть наш Михалыч изредка левые работы подкидывает. Тебе не понять. У тебя-то, Валька, с работой все в порядке.

Валентина презрительно хмыкнула:

– У меня-то в порядке? Я тебя умоляю. Я тебе что, генеральный директор, или в администрации работаю? Это у них там деньги куры не клюют. А на нас им тоже наплевать. Подумаешь, планово-экономический отдел. Скажешь, тоже мне. Тут, знаешь, тоже все непросто. Или ты помогаешь им их темные делишки проворачивать, и дрожишь, что тебя сделают козлом отпущения, или гуляй Вася. Мне тоже уже часть зарплаты бартером выдают. Вся кладовка уже забита. Работа говоришь? Да пропади она пропадом, такая работа.

Татьяна опечаленно смотрела на свой бокал:

– Нет, ты что не говори, счастливая ты, Крылова. И муж у тебя есть, как-никак, надежда и опора.

Валентина печально вздохнула:

– Да брось ты, Танюха. Муж.

Она горько усмехнулась:

– Какая надежда, какая опора? Я тебя умоляю. Пыжится только, а толку-то от него кот наплакал. Все мы девки дуры. Мечтаем в юности лишь бы поскорее замуж выскочить. Главное, чтобы был не урод и незаконченный мерзавец. Я тоже дурой была. Колька предложил за него выйти, я особо и не раздумывала, не артачилась. Люблю – не люблю, разбираться и копаться в себе не стала. Думала, ерунда это все. Как это говорят, стерпится – слюбится. Оказалось, не ерунда. В юности оно, вообще, все проще кажется. Вот и сижу теперь, как собака на сене, ни себе, ни людям.

Валентина погрустнела и добавила:

– Хотя, вру, конечно, привыкла я к ему, притерлись мы с ним. Нянчусь с ним, как с дитём. К тебе вот выбраться не могу. Вечером надо домой – мужа ублажать и обихаживать. Это ты, Тань, счастливая. Вернулась домой, хочешь сериалы смотри по телеку, хочешь просто ложись на диван, и балдей. Хочешь иди куда угодно, хочешь в гости, хочешь в кино, никаких помех.

Татьяна всхлипнула:

– Да лучше бы я ужин каждый день готовила на всю семью, только бы не одной куковать.

В голосе Татьяны появились слезливые нотки:

– Такая тоска. Такая тоска, Валюха. Куда хочешь иди, говоришь? А куда идти-то? Куда идти? Без мужика на меня все как на ущербную смотрят.

Валентина снова закурила и выдохнула дым в потолок:

– Так заведи себе мужика. Чего ты переживаешь? Ты чай не уродина, все при тебе. Только, как я, замуж сразу не выскакивай. Вот захочешь от него родить, тогда и выходи.

8__х_ 16 апреля 1996 год. Кухня в квартире на третьем этаже в пятиэтажке

Татьяна с обреченностью посмотрела на подругу:

– Ты, чего, Крылова? Ты что, у моей двери видела толпу мужиков? Они что, в очереди толкались, спорили, кто из них первый у меня руки попросит? Я что-то не замечала никаких мужиков, если не считать Петьку с четвертого этажа, когда он мусор выносит.

Валентина снисходительно хмыкнула:

– Да, ладно тебе прибедняться. Это в публичный дом мужики в очередь стоят, ну за пивом еще. А, чтобы настоящий мужик клюнул и жениться решил, тут наживка нужна.

В глазах Татьяны стояла тоска и безнадежность:

– Какая еще наживка? Это, типа, шмотки?

Валентина затянулась сигаретой и продолжила:

– Ну, шмотки, конечно, не последнее дело, макияж там. Но главное, это у женщины взгляд.

Татьяна тоскливо буркнула:

– Какой еще взгляд? На жизнь что ли? А как он его узнает, какие у меня взгляды на жизнь, если мы даже не знакомы?

Валентина бодро улыбнулась:

– По глазам, Танюха, по глазам. У тебя вот взгляд потух-

ший, а мужикам нужно…

Валентина пощелкала пальцами, подняла глаза к потолку:

– Ну как это сказать? Ну, уверенность в себе, что ли, должна быть. Походка, осанка. Чтобы он хотел тебя добиваться. Чтобы преграду видел. Мужикам, им преодолевать что-то надо. А у тебя взгляд потухший, взгляд кролика перед удавом. Вечно ты сутулишься, идешь как будто гири пудовые несешь. Мужики такое не любят.

Татьяна обиженно фыркнула:

– Тебе конечно видней. Это ты их на раз-два берешь. А я так не могу.

Валентина поморщилась:

– Да не обижайся ты, Тань. Я тебе добра хочу. Потому и говорю.

Но обида уже не отпускала Татьяну:

– Тебе легко говорить. К тебе мужики даже в автобусе пристают. С ходу за коленки лапают.

Валентина возмутилась:

– Пристают!? Чего ты выдумываешь, подруга? Это же случайно у этого парня вышло.

– Во-во, случайно. К тебе у мужиков руки сами тянутся. А ты и довольна.

– Ты чего мелешь-то? Да я даже имени этого паренька не знаю.

– Понятно. Переспала и имени не спросила. Подумаешь, еще будут.

Валентина возмущенно вытаращила глаза:

– С кем я переспала? У тебя что шарики за ролики зашли?

Татьяна затравлено, с завистью смотрела на подругу:

– Ну с этим, о котором ты мне весь вечер талдычишь. Кстати, как он постели? Расскажи, а то на самом интересном взяла и тормознула.

Валентина, ошарашенная напором подруги, стала оправдываться:

– Ты что рехнулась? Не спала я ни с кем. Это, ну как его, как бы сон был. Я тебе объясняю, не спала я ни с кем. Это в комнате желаний мне прокрутили неизвестно что. Но, как наяву. Я даже подумала, что свихнулась.

Валентина ожесточилась:

– Ладно, все поговорили. Не надо было тебе это все рассказывать. Пойду я.

Татьяна поняла свою оплошность и жалобно стала упрашивать протрезвевшим голосом:

– Ну, не обижайся ты Валь. Это я спьяну. Не уходи. Ну прости ты меня, я же тоже не нарочно. Ну дура я, дура. Ты у меня единственная подруга. У меня кроме тебя вообще никого нет.

Минут пять, подруги молча смотрели друг на друга виноватыми глазами. Потом потянулись одна к другой, обнялись через стол, и дружно всхлипнули. Сели на свои табуретки и вытерли одинокие слезы.

Татьяна виновато заговорила первой:

– Слушай, Валь, я вот спросить тебя хочу. Не обидишься?

– Да ладно, давай спрашивай.

– Ну и как у вас с этим парнем там во сне было?

Валентина романтично улыбнулась:

– Ой, Танюха, просто сказка, как вспомню, так вздрогну.

– Расскажи.

Улыбка сползла с лица Валентины:

– Ну ты меру-то знай. Как я тебе расскажу?

– Ну расскажи, интересно же.

– Чего ты привязалась? Расскажи, да расскажи. Может тебе еще и показать? Все что могла рассказала. Тебе-то, кто мешает? Иди в эту комнату исполнения желаний, сама все попробуй.

Татьяна ободрилась, выпрямила спину:

– А, пошли! Показывай, где эта твоя комната желаний!

Валентина оторопела:

– Сейчас что ли? Сдурела? Ты на время-то посмотри. Поздно уже, они, наверное, закрылись. Давай завтра.

Но Татьяна уже загорелась:

– Нет. Ты не увиливай, Крылова. Сейчас давай! Сама получила удовольствие. А у меня опять облом?

– Да закрылись они уже. Гарантирую.

– Вот пошли, и проверим. Закрылись они, или нет?

9__х_ 16 апреля 1996 год. Фургончик для аттракционов рядом с торговым центром

У входа в фургончик Валентину с Татьяной встретил фамильярной фразой разбитной парень:

– Прав был Олег. Говорил, что ты снова придешь красавица, а я не верил. Прав он оказался.

Валентина остекленевшим взором посмотрела на парня:

– Попрошу мне не тыкать. Мы с вами на брудершафт не пили.

Парень игриво усмехнулся:

– А, я не против.

Валентина строго поинтересовалась:

– Чего вы не против?

– На брудершафт с вами, не против выпить. Ладно проехали. Чем могу?

– Вы еще работаете? В смысле, эта ваша комната желаний функту… Функциниро… Работает?

Парень надменно хмыкнул:

– Конечно работает, у нас в это время пик посетителей. Кстати, вам женщина бонус.

Парень снисходительно посмотрел на Валентину:

– Вы пришли повторно, это скидка десять процентов, при-

вели с собой подругу, это еще сорок процентов. Так что у вас скидка пятьдесят процентов.

Валентина презрительно посмотрела на парня, и бесстрастно заметила:

– Предупреждать надо было. Я бы тебе сюда всех подруг привела.

– Виноват. Только, что же вы, дамочка, сами-то мне тычете? Сами же сказали, что мы на брудершафт не пили.

Разглагольствования парня грубо прервала Татьяна:

– Ну ты, птица Говорун. Хорош булдеть. Открыто у вас, говоришь? Тогда бери деньги, и веди.

Парень сделал вид, что огорчился:

– Почему это я птица Говорун?

Татьяна пьяно рявкнула:

– По кочану? Трепаться надо меньше. Болтаешь без умолку, а о правах клиентов ни гу-гу. Молчишь как рыба об лед. Давай бери деньги, и веди. Сусанин.

Парень заметно сник:

– Грубые вы дамочки. А оплата услуг у нас после сеанса, ваша подруга знает.

Он распахнул дверь фургончика, и попытался поддержать женщин за локоть, когда они входили в фургончик по ступенькам приставной лестницы. Валентина с оттенком презрения его поблагодарила:

– Мерси.

Татьяна резко попыталась освободить свой локоть из руки

парня со словами:

– Не надо! Руки! Я сама!

Парень отпустил локоть Татьяны, и она чуть не упала.

Фургончик их встретил полумраком и пустыми креслами. Интеллигентик в белом халате, о котором Татьяне поведала Валентина, предупредительно предложил:

– Выбирайте кресла и устраивайтесь.

Татьяна уверенным голосом с пьяными интонациями поинтересовалась:

– Что, в любые можно садиться? Или они разные желания исполняют? Это одни, а эти другие? Ты, это, как его, прейскурант давай, или меню, что там у вас. Ну, или словами нам сразу скажите в каких креслах какие желания исполняются. А то, этот ваш кассир, тоже все болтает и болтает, а самое важное не говорит.

Молодой человек вежливо успокоил Татьяну:

– Не переживайте девушка, все кресла одинаковые. Садитесь, где вам будет угодно.

Татьяна плюхнулась в кресло:

– Ну, села, что дальше?

Молодой человек вышел из-за своего стола, подошел и внимательно посмотрел на женщин:

– Похоже вы выпили, барышни?

Татьяна вошла в раж и с вызовом продолжила:

– Ну выпили! И что? Не на работе. Имеем право! Что дальше? Нотации нам будешь читать, как партийный секре-

тарь на профсоюзном собрании?

Мужчина удивленно расширил глаза:

– Почему партийный секретарь? И почему на профсоюзном собрании?

– А, где же еще нас с песочком драить и нотации читать? Мы беспартийные. Мы это, мы – не члены КПСС.

Интеллигентик вкрадчиво ответил:

– Ну, что вы? Что вы? Какие могут быть нотации? Просто алкоголь может помешать сеансу. Я только это имел в виду, и ничего больше.

Татьяна не унималась:

– Боишься, что ничего не получится у тебя исполнить наши желания? Переживаешь, что облом у тебя с оплатой сеанса выйдет? Не бойся моралист, мы не такие, мы заплатим.

Татьяна назидательно подняла вверх указательный палец:

– Но, со скидкой. Нам этот на входе сказал, что у нас скидка.

Молодой человек печально вздохнул:

– Понимаете, у людей много скрытых желаний. А, алкоголь может разбудить не лучшие из них. Вы не переживайте, ваши скидки будут работать и завтра. Может вам лучше посетить нас завтра, когда вы будете себя чувствовать лучше?

Татьяна не сдавалась, и настойчиво выпалила:

– А мы хотим сегодня. Мы себя нормально чувствуем. Ты понял?

Интеллигентик дружелюбно согласился:

– Понял. Желание клиента закон. Будьте добры, наденьте перчатку на левую руку, она в кармашке подлокотника вашего кресла.

Он вернулся к своей аппаратуре, посмотрел на экран монитора и вежливо скомандовал:

– Поправьте пожалуйста перчатку. Еще. Нет не вы.

Он поднял руку и показал пальцем на Татьяну:

– Да, да вы. Хорошо. Теперь пошевелите пальцами в перчатке. Хорошо. Теперь наденьте очки. Они в кармашке другого подлокотника. Да. Да. С внутренней стороны подлокотника. А теперь расслабьтесь.

Для обоих подруг сеанс закончился почти одновременно. Валентина сняла очки первой, и оставалась в кресле, ожидала, когда закончится сеанс у подруги. Наконец и Татьяна сняла очки, посмотрела на вежливого молодого человека, и спросила:

– А это где?

Мужчина недоуменно посмотрел на Татьяну и промолчал. Татьяна попыталась объяснить:

– Ну, это-то где?

Тот печально улыбнулся:

– А, за этим приходите завтра, я же вас предупреждал о негативном действии алкоголя на выбор желаний. Если вам не понравился сеанс, можете за него не платить.

Татьяна удрученно согласилась:

– Ну завтра, так завтра. А, это желание тоже ничего, я

за него заплачу. А скидка завтра будет?

Молодой человек снисходительно усмехнулся:

– Конечно, скидка будет. Приходите завтра еще.

Подруги расплатились с парнем на выходе фургончика, и молча двинулись прочь. Они сделали несколько шагов, как по команде остановились, и поинтересовались друг у друга:

– Ну ты как?

– Ничего, а ты?

– Я тоже ничего.

Татьяна призывно махнула рукой:

– Пошли ко мне, обсудим?

Валентина изучающе посмотрела на подругу:

– Давай завтра. Мне домой пора. Колька там, наверное, уже с ума сходит.

Татьяна огорченно буркнула:

– Все завтра, да завтра. Ну, ладно давай завтра, только ты не забудь. Кольке привет передавай. Слушай, давай завтра сюда наших баб приведем. Мне понравилось.

Валентина криво улыбнулась:

– А чего, одних баб-то? Давай и мужиков с работы притащим.

– Давай. Только как бы не переборщить, а-то придется в очереди ждать, если вся эта наша шобла сюда припрется.

Валентина недовольно передернула плечами:

– Да не заморачивайся ты на ерунде. Попадем мы в эту комнату желаний.

Она взяла Татьяну за локоть:

– Слушай, ты завтра ко мне на работу подскакивай после обеденного перерыва. Наше руководство обычно после обеда на работу не возвращается. Тогда все и обсудим неспеша. А, сейчас извини, домой надо.

Татьяна раздосадовано буркнула:

– Ну, пока.

– Пока.

10__х_ 19 июня 2001 год. Технологический отдел «Global Instrument of Russia»

До Валентины донесся голос Надежды:

– Валь, слушай. Ты говоришь, что вы с Танькой сами свое предприятие замутили. А как вы на этого Айварса вышли?

Валентина недовольно поморщилась:

– Дался тебе этот Айварс.

Но тут же задумчиво усмехнулась:

– Не поверишь. Все с подачи этой самой комнаты исполнения желаний.

Надежда удивленно расширила глаза:

– Да, брось! Это как?

– А так. Эта комната желаний и нагадала Таньке встречу с Айварсом. Ладно, это дело прошлое, как-нибудь потом расскажу. Надь, лирику давай оставим до следующего раза. Ты лучше меня просвети как нам с тобой разрулить то, с чем я к тебе пришла. Договорились?

Надежда обижено отстранилась

– А, это не лирика, Валя. Это к твоему делу имеет самое непосредственное отношение. Ты, главное, вникни в то, что я тебе рассказываю.

Валентина покорно согласилась:

– Ну, как скажешь, Надь. Давай рассказывай. Буду вникать.

Про себя Валентина подумала:

– Сколько еще придется слушать эту ахинею? А куда деваться? Похоже, Надька единственный ключик к этому делу. Вот чего его ей стоило? Взяла бы и толкнула мне документацию по этим бутылкам, никто бы ничего и не заметил. Эти бутылки даже в номенклатуру готовых изделий не входят. И всем хорошо было бы – ей деньги, нам документация. Нет сейчас она будет мне эту белиберду, битый час, нести. Цену набивать. А чего ее набивать-то? Возьми просто и назови цену. Всего дел -то. Ладно, придется терпеть эти ее совковые замашки.

Делая вид, что слушает приятельницу, Валентина погрузилась в воспоминания, о которых ей ненароком напомнила Надежда.

11__x_ 16 апреля 1996 год. Квартира Татьяны на третьем этаже в пятиэтажке

Татьяна наводила порядок на кухне после непредвиденных посиделок и прогулки с подругой. Движения ее были доведены до автоматизма, а мысли в это время перескакивали с одного на другое. Основное направление потоку мыслей задавало посещение фургончика с комнатой исполнения желаний. Завихрения в этом потоке создавала несуразность реальности того, что Татьяна ощутила в фургончике. Конечно, Татьяна не питала больших надежд на то, что она могла бы увидеть в этом пресловутом фургончике. В ее сознании комната исполнения желаний была, и осталась, не более чем, занятный аттракцион. Но желание, пусть виртуально почувствовать то, что почувствовала Валентина в ней жило, и было неистребимо. И это ожидание было омрачено несовпадением ожидаемого с тем, что она почувствовала. Рассказ подруги произвел на нее сильное впечатление. Но самое главное, ее поразила абсурдная нереальность того, что с ней происходила в фургончике. Эта нереальность была соткана из фактов ее собственной жизни. Это обескураживало и злило Татьяну. Она обижено рассуждала:

– Лучше бы этот деятель из комнаты желаний, что-нибудь

про мужиков замутил. Ну, как с Валькой.

Татьяна вслух буркнула:

– Предупреждал он, блин, видите ли. Алкоголь, понимаешь, как-то не так влияет. Предупреждал. Ну и что?

Татьяна озлобленно продолжала рассуждать:

– Вот чувствую, ведь, что мог он изобразить все как надо. Мог! Но, повредничал. Зараза такая. А, может он и правда не врет? Тогда, почему все в этих ресторанах, барах, кафе, ну или просто на гулянках пьют, а потом знакомятся, и любовь? Нет, это он, точно, повредничал. Типа, это моя конура, тут мои правила, и будет так, как я сказал. И, вот ведь, подлюка, и мужика показал, и мужик ничего, симпатичный мужик. Мне понравился.

Татьяна перестала вытирать тарелку полотенцем и улыбнулась. И тут же нахмурилась и остервенело продолжила драить тарелку полотенцем:

– И никакой тебе любви, одна производственная тема. Да мне эта производственная тема, во, где сидит, на работе она мне осточертела.

Татьяна снова нежно улыбнулась:

– Нет, а мужик был ничего, симпатичный такой, на прибалта смахивал.

Тень сомнения пробежала по лицу Татьяны:

Стоп-стоп-стоп, а ведь я этого мужика вспомнила. Он к нашему Михалычу в кабинет приходил. А, из того, что было в этой комнате желаний следует, что он и является заказ-

чиком той халтуры, которую нам Михалыч подкидывает. Ну, однако, и дела… Валька похоже права. В этом фургончике засели еще те деятели. Ну вот откуда они про этого парня узнали? Вопрос.

Татьяна снова улыбнулась:

– Нет, что ни говори, а Михалыч у нас золото. Если бы не он с его халтурой, мы бы все ноги протянули с такой зарплатой. Входит, где надо, нашего Михалыча знают, заказы ему подкидывают. Не к каким-то там Васям Пупкиным, а к нему с заказами идут.

Лицо Татьяны снова стало суровым:

– А, этот прибалт, хотел, чтобы мы нашего Михалыча кинули. Давайте говорит работать на прямую. Шалишь дружок! Мы своих не сдаем, и не кидаем. Нет, он, этот прибалт, конечно, парень симпатичный, но это дело у него не пройдет. Интересно, конечно, сколько с этой халтуры сам Михалыч имеет?

Татьяна задумчиво поморщилась:

– А, чего он уж там такого большого имеет? Ну, берет он свои комиссионные, и это правильно. Он эту халтуру надыбал, ему и флаг в руки.

Она снова перестала тереть тарелку:

– Хотя, конечно, интересно. Прибалт-то говорил, что, если с ним на прямую закантачить, то он платить будет в десять раз больше.

Полотенце вновь заскользило по тарелке:

– Врет, конечно. В десять раз больше, это сколько-же он платить собирается. Нет, это не реально. В таком случае, сколько же он отваливает Михалычу? Стоп, блин, размечталась дура. Остынь. Сказки это все, пустые сны.

Татьяна хлопнула себя ладонью по лбу:

– Е-мое. А, главное из башки совсем вылетело. У нас же с завтрашнего дня столовку на работе отменили. Ешкин кот, и как теперь жить? Столовку нам талонами отоваривали. С этими талонами хоть знали, что с голодухи не загнемся. А все это гребаное начальство. Им, видите-ли, эта столовка не подходит, у них от столовской еды несварение в желудках. Они теперь дома будут обедать. Им то никуда спешить не надо, они не опаздывают. Они, едрена мать, задерживаются. А для нас они, такую вот красивую сказочку придумали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.